

РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Гордость отечественной культуры

Екатерина II. Гравюра Г.И.Скородумова с оригинала Ф. де Мейса. 1790-1792 гг.

16 (27) мая 1795 года императрица Екатерина II Высочайшим своим повелением одобрила представленный архитектором Егором Соколовым проект постройки здания Императорской Публичной библиотеки. По распоряжению Кабинета Ея Величества уже через два дня путем троекратного извещения всех заинтересованных лиц в „Санкт-Петербургских ведомостях“ были объявлены торги, приобретены строительные материалы, наняты работные люди, отпущены "изустным" указом Екатерины II

средства из казны для оплаты расходов. В июне 1795 года стройка „возымела свое начало“. Это было первое в России специальное здание, предназначенное для размещения Библиотеки. Место для него было выбрано в самом центре столицы, при пересечении Сенной (Большой Садовой) улицы с Невским проспектом, неподалеку от императорских дворцов и вблизи оживленного Гостиного двора.

„Государыня императрица Екатерина II, положив сделать библиотеку сию открытым для общей пользы книгохранилищем, в том же 1795 году повелеть изволила построить для оной в здешней столице приличнейшее особое здание, по плану бывшего Кабинетского архитектора г. Соколова, строение сие немедленно началось“, — так был отмечен этот исторический факт в изданной в 1814 году книге „Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 (14) 1814 года“.

Идея создания Публичной библиотеки уже давно витала в воздухе. XVIII век развил традицию собирания книг, идущую еще из Древней Руси. Распространился обычай заводить библиотеки в аристократических и богатых домах. Но частные коллекции и книжные собрания не могли в полной мере ускорить формирование русской интеллигенции из „просвещенных дворян“, способствовать наращиванию слоя образованных „государственных людей“, потребность в которых ощущалась все более. Не решало проблемы и появление в первой половине XVIII века государственных ведомственных библиотек (Академии наук, Академии художеств и др.). И не удивительно, что чуткая к веяниям своего времени, видевшая себя преемницей и нас-

ледницей Петровских реформ, Екатерина II „не оставила, — как писал один из просвещеннейших ее современников М.И.Антоновский, — обратить прозорливого внимания своего и на такой недооцениваемый еще в России важный источник народного просвещения, который составляют публичные государственные библиотеки или открытые для всех книгохранилища”.

По замыслу Екатерины II, национальная Библиотека должна была олицетворять мощь Российского государства, созидательный характер устремлений императрицы, ее приверженность идеалам века Просвещения. Подобно „образцу знатнейших публичных библиотек” Европы, хранивших архивы национальной печати и памятников письменности, новой библиотеке предстояло стать собирательницей всех российских книг и рукописей. Но было в этой идее и принципиально новое начало, подхваченное и укрепленное последующими поколениями русских библиотекарей. Национальные библиотеки европейских государств не стремились в XVIII веке к обслуживанию читателей, они чуждались жизни, кипевшей за их стенами. Национальная же библиотека России — и в этом, по словам стоящего у ее истоков А.Н.Оленина, заключалась ее „первоначальность”, — была задумана и организована не только как книгохранилище, но одновременно как библиотека публичная, общедоступная. Она учреждалась „в пользу любителей учености и просвещения”, предназначалась для „публичного употребления” и ставила целью „общественное просвещение россиян”. С ее появлением безусловно открылась новая глава в истории науки, культуры и образования России. Публичная библиотека в

Санкт-Петербурге стала по сути дела вторым российским университетом, который кончали почти все, составившие в эти годы славу русской науки и обессмертившие свои имена в литературе, искусстве, различных областях гуманитарного знания.

Обустройство Публичной библиотеки заняло почти двадцать лет (1795-1814). Постройка здания проходила под непосредственным наблюдением Екатерины II, которая регулярно заслушивала сообщения о ходе стройки и принимала решения о дальнейшей судьбе библиотеки, по праву называемой в одном из ранних документов Екатерининской. Деньги на строительство отпускались Кабинетом по „изустным именным указам” императрицы, скрепляемым позднее ее подписью. В июле 1796 года Екатерина II вернулась к рассмотрению архитектурных проектов Егора Соколова. Решено было, в соответствии с одним из них, дополнить здание библиотеки обсерваторией. Для наблюдения за звездным небом Екатерина II передала в пользование будущим посетителям телескоп знаменитого английского астронома В.Гершеля. Уже упомянутый Антоновский, известный не только библиотечной, но и издательской деятельностью (ему Россия обязана выходом знаменитой книги А.В.Суворова „Наука побеждать”), вспоминал также, что предполагалось „для необходимой ослабы напряжения ума при чтении глубокомысленных книг” соорудить при Библиотеке „наиприятнейший вертоград” (сад) с водоемом. Последнее распоряжение относительно отпуска средств из казны на нужды строящейся Библиотеки императрица сделала в октябре 1796 года, за месяц до своей кончины.

Андрей Станислав Костка,
граф Залуский, Епископ Краковский.
Гравёр Й.-М.Бернигерот (Johann
Martin Bernigeroth). 1748 г.

Юзеф Андрей граф Залуский, каноник
Краковского кафедрального собора.
Гравёр Й.-Д.Шлейн (Johann
David Schlein) 1740-е гг.

Не обошлось без Высочайшего участия и формирование собственно библиотечных фондов. По приказанию Екатерины II летом и осенью 1795 года сначала на подводах из Варшавы до Риги, а затем морем в Петербург была доставлена книжная коллекция братьев Залуских, ставшая основой иностранного фонда Публичной библиотеки. Полученное собрание Екатерина II предполагала объединить с уже находящимися в распоряжении Императорского двора Эрмитажной библиотекой и личными собраниями Вольтера, Дидро, а также президента Петербургской Академии наук И.А.Корфа. Этому плану, правда, суждено было осуществиться в полной мере только в 1860-е годы, когда Эрмитажная библиотека и книги, принадлежавшие Вольтеру и Дидро, попали в фонды Публичной библиотеки.

Видные польские аристократы Андрей-Станислав и Иосиф-Андрей Залуские были страстными и изобретательными собирателями книг. Их книжное собрание отличалось обширными размерами и наличием в его составе редких и старопечатных изданий, привлекавших внимание библиофилов и ученых. Однако для достижения целей, ради которых создавалась Российская национальная библиотека, этой коллекции было явно недостаточно. Помимо того, что в ней отсутствовали книги на русском языке, она, начиная примерно с 60-х годов XVIII века, очень нерегулярно пополнялась новыми изданиями. А между тем еще статс-секретарь и управляющий делами Кабинета В.С.Попов, которому Екатерина II поручила „сооружение дома и учреждение в оном государственной публичной библиотеки“, докладывал императрице в марте 1796 года, что лишь предписанное Екатериной II обязательное „присовокупление всех российских книг и иностранных, издаваемых с 1767 года ...“ позволит в ближайшем будущем открыть Публичную библиотеку.

Садовая улица. Акваинта. 1800-е гг.

Императорская Публичная библиотека в Петербурге была первой государственной библиотекой России, перед которой была поставлена главная и обязательная цель — создать „полное собрание российских книг“. Под „российскими книгами“ подразумевались как все книги, изданные с самого начала книгопечатания в России, так и выпущенные на русском языке в чужих краях. „Полная российская библиотека“ должна была включать в свой состав и книги о России, изданные на иностранных языках.

Смерть Екатерины II и приход к власти Павла I повлекли за собой отстранение от занимаемой должности статс-секретаря и управляющего делами Кабинета В.С.Попова. Привезенные из Варшавы книги, а также наблюдение за их разбором и постройкой здания попали в руки лиц, не заинтересованных в осуществлении екатерининской идеи. Это поставило под угрозу создание национальной Библиотеки. Положение спас

граф А.С.Строганов, известный русский меценат и государственный деятель, один из авторов врученного Екатерине II еще в 1766 году „Плана Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге“.

В январе 1800 года А.С.Строганов был назначен главным директором императорских библиотек. Благодаря его хлопотам и настойчивости, по замечанию А.Н.Оленина, Императорская Публичная библиотека „сохранила свое бытие“. А.С.Строганов способствовал ускорению разбора книг, уточнил контуры книгохранилища („речь идет о библиотеке государственной,— указывал он.— И только в этом смысле, а не в ином она является Императорской“). Убедив Павла I оставить Библиотеке строящееся на углу Невского и Садовой здание (с огрехами и недостатками, но строительство в 1800 году шло к завершению), Строганов поставил задачу открыть Библиотеку „для публичного употребления“ уже в самое ближайшее время.

А.С.Строганов. Гравюра И.С.Клаубера
с оригинала И.Б.Ламти. 1802 г.

Перемены на российском престоле (убийство Павла I, вступление на трон Александра I) благоприятствовали достижению цели. „Дней александровых прекрасное начало” должно было украситься и открытием Публичной библиотеки. К планам графа сочувственно отнеслись некоторые члены влиятельного в начале царствования Александра I Негласного комитета, неофициального совещания молодых друзей нового императора. А сам Александр I по настойчивой просьбе Строганова приобрел и передал в собственность Публичной библиотеки собрание рукописей П.П.Дубровского, бывшего чиновника русского посольства в Париже, страстного библиофила и коллекционера. Во время революционных

событий 1789 года во Франции Дубровскому удалось спасти часть бумаг, хранившихся в архиве Бастилии. В его руки попали также рукописи из библиотек древнейших монастырей — Сен-Жерменского и Корбийского (V-XIII вв.). Он собрал до 8000 автографов знаменитых людей Франции (в том числе — письма и государственные бумаги почти всех французских королей, начиная с Людовика XI). В различных городах Европы Дубровский приобрел также рукописи и письма Э. Роттердамского, Лейбница, Дидро, Руссо, Вольтера и других великих ученых и писателей XVI-XVIII веков. Кроме того, в его собрании имелись древнеславянские и восточные письма. Свои рукописи дарили Дубровскому как „охотнику до подобных редкостей” и многие русские писатели и ученые (знаменитый поэт Г.Р.Державин, писатель и переводчик А.А.Писарев, историк В.Г.Рубан, передавший собирателю материалы русских просветителей, драматургов Д.И.Фонвизина и Я.Б.Княжнина). С этой замечательной коллекцией и возникло в Библиотеке в 1805 году особое хранилище, получившее название „Депо манускриптов”.

Еще при А.С.Строганове оно пополнилось ценнейшими памятниками древнерусской письменности. Среди них — старейшая из всех известных в настоящее время датированных русских книг — Остромирово Евангелие (1056–1057), найденное после смерти Екатерины II в ее гардеробе (известно, что в последние годы жизни императрица усиленно собирала и изучала материалы по истории России), и знаменитая Лаврентьевская летопись (1377) — древнейший список начальной русской летописи, открывающийся всемирно известной Повестью

временных лет — „Откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть”.

Новое российское древлехранилище пополнялось с момента своего основания также за счет дарений частных лиц. Назначенный в 1810 году помощником библиотекаря первый русский палеограф, глубочайший знаток „Слова о полку Игореве” А.И.Ермолаев подарил Библиотеке список Ипатьевской летописи. Коллекция русских и славянских рукописей поступила „для пользы или любопытства посещающих библиотеку любителей российских древностей” от обер-бергмейстера П.К.Фролова. В числе дарителей, способствовавших обогащению Библиотеки, были также академики В.М.Севергин, А.Я.Купфер, П.И.Кеппен, Я.Д.Захаров, Б.А.Дорн, мореплаватели И.Ф.Крузенштерн, Ф.П. Врангель, большинство российских писателей, книготорговцы Глазуновы, купцы М.Шумилов, И.П.Лаптев и другие. Поступали дары и из-за границы: из Боснии — от священника П.Твердковича, из Сербии — от писателей Вуича и Зубана, из Праги — от поэтов и деятелей чешского возрождения Я.Коллара и В.Ганки, из Варшавы — от лингвиста С.Линде. Стали налаживаться связи со старейшими библиотеками и университетами Европы.

В 1808 году А.С.Строганов выбрал себе в помощники по управлению библиотекой А.Н.Оленина (1763—1843). Он был назначен товарищем главного директора, а после смерти Строганова — директором Публичной библиотеки (1811—1843). Президент Академии художеств, талантливый рисовальщик, историк, знаток новых и древних языков, любитель литературы и искусства, покровитель поэтов и художников — далеко не полный

перечень заслуг и достоинств этого яркого человека. Они обеспечили ему видное место в истории русской культуры и науки на протяжении почти полувека. В.О.Ключевский, знаменитый русский историк, чье слово особенно весомо, писал: „В продолжении 50 лет — до 1843 года — трудно вспомнить в ходе русского просвещения крупное дело или крупного дельца, не припоминая и Оленина. Не быв крупным светилом, он как-то умел бросить свой луч на каждое современное ему светлое явление в этих областях нашей жизни”.

А.Н.Оленин. Гравюра Н.И.Уткина с оригинала Ф.Крюгера. 1836 г.

И если Строганов „сохранил бытие” Публичной библиотеки, то Оленин вдохнул в нее настоящую жизнь, открыл ее для читателей, дал им возможность пользоваться фондами библиотеки, работать в читальном зале, знакомиться с ее сокровищами. Время директорства Оленина однажды назвали детством Публичной библиотеки. Сравнение не лишено оснований. Надо лишь к этому добавить, что именно в „детском возрасте” Публичная библиотека обрела многое из того, что обеспечило ей дальнейшее развитие и благополучие, что Оленин заложил фундамент Российской национальной библиотеки, на котором она стоит и поныне. Он не только не отошел от первоначальных намерений Екатерины II, но, напротив, развил и углубил их, предпринял реальные шаги по созданию в России общедоступной библиотеки, совмещающей хранительские и просветительские цели.

В 1809 году Оленин издал первое в России руководство по организации фондов и каталогов „Опыт нового библиографического порядка для Санкт-Петербургской Публичной библиотеки”. Оленин разработал структуру Библиотеки, собрав книги на русском языке в особом отделении (1811). Организация самостоятельного русского фонда подчеркивала национальный характер Публичной Библиотеки.

В 1810 году Александр I особым рескриптом предписал открыть новое учреждение „на пользу общую” и утвердил составленное Олениным и отредактированное М.М. Сперанским „Положение о управлении Императорскою Публичною библиотекою” — первый в России библиотечный закон, посвященный „образу управления и содержанию” Библиотеки.

Публичную библиотеку предписано было содержать на „деньги из государственного казначейства”, выделяя впредь для этого особые суммы. „Положение” закрепило также установленные при ее основании главные принципы организации работы, а именно — хранение архива отечественной печати и рукописного наследия при соблюдении неперемного условия „приема посетителей и доставления им всех нужных сведений по части каждого”. Был очерчен круг обязанностей библиотекаря и хранителя манускриптов, установлен штат Библиотеки, ее структура. Из ведения Императорского Кабинета Публичная библиотека передавалась в Министерство народного просвещения, что подкрепляло ее просветительские намерения.

Общественную атмосферу, в которой начала жить и действовать Публичная библиотека, в полной мере определяли слова, украсившие ее первый законодательный регламент: „На пользу общую”, „без разбора лиц”. Оленин писал в августе 1814 года: „Истинная цель открытого книгохранилища состоит в том, чтоб всякий, кто бы он ни был, мог требовать для своего употребления всякого рода печатные книги, даже самые редкие... и пользоваться ими безмездно, не унося их токмо домой”.

По настоянию Оленина, в „Положение” 1810 года было вставлено правило об обязательной бесплатной доставке в Библиотеку в двух экземплярах всего, что выходит в свет из-под печатного станка в России. Так радикально была решена проблема полного и регулярного получения российских книг и других изданий. „Как дерево посредством корня получает первоначальную свою растительную силу, так точно возрастание сего книго-

хранилища основано и утверждается на законе, которого действием приносится в оное из всей отечественной земли по два образца новых произведений книгопечатного искусства” — эти слова из отчета Оленина обращены не только в прошлое, но и в будущее.

Интерьеры первых зданий Императорской Публичной библиотеки оформлялись в стиле классицизма. В отчете за 1810-1812 гг. говорилось, что „для украшения главных комнат библиотеки куплены в оную 12 гипсовых фигур, представляющих 9 муз, Минерву, Аполлона и Меркурия, 14 бюстов, изображающих знаменитейших в древности мужей, а в зале, определенной для занятий публики, поставлены еще два бюста, сделанные под мрамор, из коих один (работы известного русского ваятеля г-на Мартоса) представляет августейшего образователя сей библиотеки государя императора Александра I-го, а другой бюст (работы покойного художника Шубина) изображает основательницу библиотеки императрицу Екатерину II-ю”.

В 1813-1816 гг. А.Н.Оленин заказывает скульптору В.И.Демут-Малиновскому гипсовые бюсты полководцев А.С.Суворова и М.И.Кутузова, а также колоссальный мраморный бюст императора Александра I — „венценосному наук покровителю”, покупает у А.А.Василевского авторское повторение портрета Г.Р.Державина, который художник написал в последний год жизни поэта. Для одного из залов библиотеки Оленин в 1824г. заказал Дж.Дюу копию с портрета императора Александра I, выполненного для Военной галереи в Зимнем дворце. Портрет был получен в 1826 г. и помещен в Отделении рукописей. В 1838г. были заказаны бюсты русских писателей: И.И.Дмитриева (с оригинала И.П.Мартоса отлит в бронзе Жаком Гереном; единственный известный экземпляр), А.С.Пушкина и И.А.Крылова — гипсовые слепки бюстов работы С.И.Гальберга. Вероятно, в это же время был заказан и бюст драматурга В.А.Озерова с оригинала В.И.Демут-Малиновского (ныне также единственный известный отлив, сделанный уже в 1860-х гг.). Выбор и заказ портретов, в основном скульптурных, делался самой библиотекой.

„Гроза двенадцатого года” отодвинула открытие Публичной библиотеки. Опасность, нависшая над столицей, заставила увезти из Петербурга „все рукописи и лучшие книги”. В сопровождении помощника библиотекаря В.С.Сопикова библиотечное имущество, погруженное на бриг, отправилось водой на Север. Здесь бриг и члены его команды, преодолев в бурю Ладожское озеро, зазимовали на реке Свирь, неподалеку от Лодейного Поля.

*Мраморный бюст Александра I.
Скульптор В.И.Демут-Малиновский. 1814 г.*

Убежденный в том, что Российская национальная библиотека — хранилище всех материалов, „до истории отечества нашего касающихся”, Оленин был озабочен также и тем, чтобы приказы и известия по русской армии, „летучие листки” военного времени, газеты, выходившие на оккупированной французами территории, рукописные свидетельства участников и очевидцев сражений, партизанских стычек и налетов поступали на хранение в Публичную библиотеку. Создание коллекций книг, плакатов, альбомов, листовок, рукописных материалов о войне 1812 года отвечало патриотическим чувствам и других библиотекарей, не сомневавшихся в том, что эта война будет „самой знаменитейшей в летописях мира”. Их труд, как показало время, не пропал даром. Интерес к книгам по истории России и прежде всего к публицистике периода Отечественной войны проявляли первые же посетители, перешагнувшие порог Публичной библиотеки. „И всего чаще читали описания подвигов наших героев, наипаче тех, которые прославились в последнюю войну. Требования сих книг были так велики, что библиотекари не успевали удовлетворить всех посетителей за раздачей таких книг другим читателям”, — говорилось в отчете Библиотеки.

Открытие Публичной библиотеки состоялось в торжественной обстановке 2 (14) января 1814 года. На праздничном акте присутствовало более двухсот человек. Среди них выделялись поэт Г.Р.Державин, художник О.А.Кипренский, филолог А.Х.Востоков, архитектор В.П.Стасов. Немало было и дам, в том числе — участницы Женского патриотического общества, деятельность которого поощрялась Олениным. После короткого сло-

Ларец, в котором хранятся документы об образовании Императорской Публичной библиотеки

„На пользу общую” — эти слова оставались девизом Российской национальной библиотеки на протяжении всей ее истории. Конечно, каждому времени было свойственно свое понимание границ общедоступности книгохранилища. Подлинная демократизация Библиотеки началась во второй половине XIX столетия, с приходом в России на историческую сцену многочисленного класса разночинцев. Но и раньше люди „всякого звания и всякого состояния” не лишались права посещения Библиотеки, „были бы они благопристойно одеты”.

ва директора письмоводитель Библиотеки надворный советник А.И.Красовский зачитал „Рассуждение о пользе человеческих познаний и о потребности общественных книгохранилищ для каждого благоустроенного государства”. Посвященное короткой истории Публичной библиотеки, оно доказывало ее „первоначальность” в России (основные положения выступления были сформулированы Олениным). Затем поднялся Н.И.Гнедич. Живой, эмоциональный, активно выступавший в защиту русского языка и литературы, он произнес пылкую речь „О причинах, замедляющих успех нашей словесности”. И.А.Крылов прочел написанную для этого случая басню „Водолазы”.

Открытие Публичной библиотеки для читателей, совпавшее, по словам А.С.Пушкина, со временем „славы и восторга”, было замечено всеми петербургскими газетами. Поэт и литературный критик П.А.Плетнев писал, что это событие было воспринято всеми, у кого „сильно билось русское сердце при слове Отечество”, как „славное происшествие”, важное для будущего России. О Библиотеке охотно писали и в последующие годы. Называли ее „общенародным хранилищем”, отмечали, что всякий читатель „имел свободный вход в оную, какого бы звания или чина он не был”.

В начале XIX века появилась форменная одежда во многих гражданских ведомствах. Вскоре после своего посещения Публичной библиотеки (2 января 1812 г.) Александр I утвердил и для ее чиновников два мундира — праздничный и повседневный. Оба были из сукна синего цвета, принятого для служащих Министерства народного просвещения, Академии наук, Российской академии, а также в горном ведомстве и путей сообщения. Покрой праздничного мундира должен был быть таким же, каким „обыкновенно бывают статские мундиры”: однобортный, с высоким стоячим воротником и вырезом юбки спереди ниже пояса. Воротник и обшлага рукавов — из синего бархата. Мундир дополнялся жилетом и панталонами с застежками под коленом и чулками. В состав формы входила также треугольная шляпа с кокардой и шпага. Всем служащим, имевшим классные чины, на воротнике мундира (а директору и его помощнику еще и на обшлагах) назначалось золотое шитье в виде ветвей с бордюром. Впоследствии узор бордюра толковался как растянутый рукописный свиток. На медных пуговицах, по указу, изображался „двуглавый орел под короной, окруженный лавровым венком с литерами И.П.Б.” Повседневный мундир напоминал фрак: имел открытый ворот и вырез юбки спереди ниже пояса. Отложной воротник имел высокую стойку. Мундир носился с синими длинными панталонами и мягкими сапогами. Шпагу можно было не надевать.

„Положением о гражданских мундирах” от 27 февраля 1834 года парадный мундир директора был отнесен к 4 разряду (всего их было 10) и дополнен шитьем на карманных клапанах. Мундиры прочих чиновников по объему шитья разделялись на шесть разрядов. Повседневный был обозначен как мундирный фрак, который дополнялся круглой шляпой с полями. В комплект форменной одежды чиновников в общем порядке вводился синий однобортный сюртук „с стоячим суконным воротником по цвету мундирного”. Он не имел выреза юбки спереди. Первоначально сюртук предназначался преимущественно „для дороги” и мог надеваться как поверх мундира, так и вместо него.

В 1856 году все гражданские мундиры получили полную юбку и стали называться полукафтанами. Фасон сюртука изменился на двубортный, с отложным воротником и открывающимся воротом. В начале XX века сюртук стал главным элементом форменной одежды чиновников ниже VI класса. На воротниковых петлицах звездочками обозначались чины служащих.

Мундир чиновника 4-го разряда. 1834 г.

Библиотека была открыта и для „употребления” и для „обозрения”. Музейные функции — ознакомление публики с книжными и рукописными сокровищами, осмотр библиотечных интерьеров, так же, как и стремление служащих сопровождать осмотр Библиотеки рассказом о характере, истории, значении экспонируемых на выставках предметов — были присущи Публичной библиотеке изначально. В первые годы после открытия ее посещало ежегодно от 500 до 600 человек. Билеты на право посещения Библиотеки приобретала самая разнообразная по происхождению и общественному положению публика: ученые, чиновники, военные, представители духовенства, купцы, мещане, учащиеся гражданских и военных учебных заведений. Разночинцы и „свободные люди” составляли в 1816–1819 годах примерно 11% всех читателей. В читальный зал пришла „новая молодежь”, интересы которой, как уже отмечалось, определялись „общественным возбуждением после наполеоновских войн”. Среди посетителей тех лет были будущий декабрист В.К.Кюхельбекер, математик Н.И.Лобачевский, путешественник Ф.П.Литке. В 1817 году документы Публичной библиотеки отметили появление первых читательниц.

Время Оленина, за которое было выдано свыше 15 000 читательских билетов и около 100 000 томов, отмечено и первыми попытками проследить характер чтения, круг интересов посетителей Публичной библиотеки, их спрос на произведения определенных авторов (Ломоносова, Карамзина, Державина, Крылова, Жуковского, Гнедича, Батюшкова и др.). К этому же периоду относится и зарождение в Библиотеке справочно-библио-

графической службы, когда сотрудники начали предпринимать конкретные шаги по подбору литературы по запросам читателей (например, по истории войны 1812 года, походов А.В.Суворова в Италию и Швейцарию, по народному образованию в России и т.д.).

Про Оленина говорили, что он делил свое время и силы между службой и дружбой. В его доме на Фонтанке и на даче в Приютино встречался почти весь литературный и художественный Петербург. Салон Оленина посещали поэты и писатели А.С.Пушкин, В.А.Жуковский, П.А.Вяземский, Н.М.Карамзин, Г.Р.Державин, художники и скульпторы В.Л.Боровиковский, К.П.Брюллов, А.Г.Венецианов, В.И.Демут-Малиновский, О.А.Кипренский, И.П.Мартос, архитектор В.П.Стасов и многие другие. Его дружеским связям обязаны мы приходом на службу в Библиотеку баснописца И.А.Крылова, поэтов Н.И.Гнедича и К.Н.Батюшкова, литератора М.Е.Лобанова, лицейского друга Пушкина поэта А.А.Дельвига, романиста и драматурга М.Н.Загоскина. Оленин пригласил для работы в Депо манускриптов выдающегося русского филолога и поэта А.Х.Востокова и тогда еще начинающего, но очень сведущего и талантливого знатока русского летописания и русской рукописной книги воспитанника Академии художеств А.И.Ермолаева. С Ермолаевым советовался при написании „Истории Государства Российского” Карамзин. К нему обращались Пушкин и академик П.И.Кеппен за помощью в объяснении и толковании текста „Слова о полку Игореве”. По просьбе Строганова и Оленина на государственную службу в Библиотеку был принят книготорговец купец В.С.Сопиков, прославившийся своими познаниями в рус-

ской библиографии и книжном деле. Поручив ему заведование Русским фондом, Библиотека взяла на себя издание „Опыта российской библиографии”, главной книги Сопикова, прозорливо угадавшего, что она „не токмо в России, но и в чужих краях почтена будет классической”. Книга Сопикова содержала „верное и обстоятельное описание” книг, изданных на русском языке от введения в России типографского искусства и до начала XIX века. Она и до сих пор служит настольной книгой библиотекарей и библиографов.

Отношение Оленина к сотрудникам было очень уважительное, он прислушивался к их мнению и был убежден, что в „храме просвещения” (так называл Публичную библиотеку П.А.Плетнев) должны служить люди образованные, знающие языки, сведущие в литературе, искусстве, науках. И при выборе кандидатов на должность библиотекаря, помимо чувств человека доброго, мецената, известного своей щедростью, Олениным двигали и деловые соображения. Почетными библиотекарями, безвозмездно оказывавшими услуги Библиотеке, по его представлению были назначены библиограф и книговед В.Г.Анастасевич, журналист и издатель Н.И.Греч, „собиратель российских древностей”, горный инженер П.К.Фролов, архимандрит Иоакимф (в миру — Н.Я.Бичурин) — основоположник китаистики в России, историк и знаток Сибири Г.И.Спасский.

Пожалуй, ни один период в истории Публичной библиотеки не оставил после себя такое количество былей и небылиц, как оленинское время. Для этого, конечно, были основания, обусловленные прежде всего фигурой самого директора, сумевшего собрать вокруг себя много

талантливых, неординарных людей, поступки которых могли порождать порой разнотолки. Так например, В.И.Собольщиков, поступивший в Библиотеку писцом, затем привлеченный к разбору коллекции эстампов, назвал в своих воспоминаниях служивших при Оленине библиотекарей „тунеядцами”. Между тем, тот же И.А.Крылов, работа которого в Библиотеке породила особенно много легенд и анекдотов, следил за полнотой поступления „по закону” книг в Русское отделение, составлял реестры недоставленных книг, готовил материалы Оленину для запросов, посылаемых как „сочинителям”, так и в цензуру.

И.А.Крылов. Литография В.Шертеля. 1840-е гг.

Стремясь добиться полноты репертуара русской книги в Публичной библиотеке, Крылов проводил библиографический поиск, использовал свои давние связи с книготорговцами (при его содействии, например, А.Ф.Смирдин пополнил Русское отделение многими редкими изданиями). Полезными оказались и предложения Крылова по организации хранения книг в Русском отделении и обслуживании читателей (крыловские „закладки” в книги, отправляемые из фонда в читальный зал, дожили до наших дней). Вместе с Сопиковым он составил первый каталог русских книг, готовил библиографические списки по запросам читателей и ведомств о войне 1812 года, суворовских походах, о Петербурге, а также списки книг, затребованных читателями из Русского отделения, для отчетов Публичной библиотеки. И конечно, при этом Крылов оставался Крыловым, с его особым стилем поведения, пренебрежением к принятым на службе и в обществе приличиям и нормам, с его малой подвижностью, вызванной тучностью и уже далеко не юным возрастом (он оставил Библиотеку в 1841 году, отметив свое 73-летие).

Библиотека, или „меценатский приют литераторов”, говоря словами Д.В.Философова, была неотъемлемой частью салона Оленина. Он поощрял литературные и научные занятия сотрудников и сам принимал в них живейшее участие. Именно при Оленине в Публичной библиотеке возникла культурная среда, создавшая особую атмосферу, привлекающую как для библиотекарей, так и для читателей. Когда Н.И.Гнедич задумал перевод поэмы Гомера „Илиада”, то ему на помощь первым пришел Оленин, оказавшийся тонким комментатором текс-

Н.И.Гнедич.. Литография А.А.Калашникова. 1830-е гг.

та. Работа Гнедича над этим переводом, которую Пушкин назвал „великим подвигом”, стала общим делом Библиотеки. Знаток греческого языка библиотекарь Д.П.Попов, А.И.Ермолаев с его пониманием летописной традиции, генеалог М.А.Семиггановский внесли, помимо Оленина, и свою лепту в труд Гнедича. „Ленивый” Крылов выучил с этой целью греческий язык. Помощник директора С.С.Уваров дал полезный совет по поводу метрического размера перевода. В зале Библиотеки разыгрывались „живые картины”, в которых принимали участие все заинтересованные лица, — в поисках точного перевода гомеровского текста. При Оленине шла коллективная работа и над комментированием текста Лаврентьевской летописи, и подготовка к изданию русских летописных сводов.

С. Деладвез. Посещение императором Николаем I Публичной библиотеки. 1853 г.

Поэт А.А. Дельвиг, будучи помощником библиотекаря в Русском фонде (он упорно добивался этого места и отработал год с лишним без жалования), свободное время посвящал тому, что собирал в Библиотеке, по выражению его друга Плетнева, „драгоценнейшие сокровища для потребностей умственной жизни”. Он прослужил здесь с сентября 1820 года по май 1825-го, почти постоянно ощущая высокий творческий подъем. Общая работа над переводом поэмы Гомера, культ античности, поощряемый Олениным, нашли отражение в его поэзии. Дорожа службой в Публичной библиотеке, он, скорее всего, сам никогда бы не ушел в отставку, настоящие причины которой,

как, впрочем, и неожиданно жесткая позиция Оленина по отношению к нему, остались непонятными современникам.

Активность Библиотеки, степень ее влияния на общество зависят, как известно, от состояния самого общества. Это стало очевидным уже во времена Оленина, когда на глазах менялись условия „бытия” Библиотеки. К исходу второго десятилетия царствования Александра I утратили свою прелесть торжественные встречи в памятный день открытия книгохранилища 2 января. Двор потерял к ним интерес. Просвещенная часть петербургской публики оставалась недовольной официальным характером торжеств, обилием на них персон, принадлежащих

первым четырем классам табели о рангах и не ниже. Перестали выходить в свет печатные отчеты Библиотеки. Пропала потребность в издании ежегодных каталогов „Чтение посетителей Императорской Публичной библиотеки”, списков ее посетителей. После событий 14 декабря 1825 года и воцарения на престоле Николая I с его культом муштры и воинской дисциплины, оленинский стиль жизни и управления Библиотекой были уже явно не ко двору. И хотя число читателей в 1830-е годы продолжало, хоть и медленно, но расти, степень влияния Библиотеки на общество, да и степень ее собственного благоустройства далеко не во всем соответствовали первоначальному замыслу и намерениям.

Проект здания Императорской Публичной библиотеки К.Росси. Составлен при участии А.Ф.Щедрина, который руководил строительными работами. Здание украшено произведениями скульпторов С.С.Пименова, В.И.Демут-Малиновского, С.И.Тальберга и других

Воспитанник екатерининской эпохи, Оленин пережил свой век. Уже старик, страдающий от болезней, отчасти — от непонимания, он продолжал заботиться о благе Публичной библиотеки. В его маленьком, тщедушном теле жил дух человека, не только доброго и щедрого, но и мужественного. В дни, когда весь Петербург замкнулся в страхе перед холерой, Оленин не покидал Библиотеки, демонстрируя удивительное хладнокровие. „Из всех живых существ,— писал В.Ф.Одоевский в 1831 году, — я видел почти одного Оленина — в огромной шинели на плечах, с портвейном в руках, с сигарою в зубах, с холерою на языке и между тем с спокойствием в сердце... Он прекрасно действовал и со всеусердием помогал больным; я его вдвое больше полюбил с сего времени”. В 1833 году Оленину удалось завершить большие строительные работы. К угловому корпусу библиотечного здания было добавлено величественное строение, укрепившее центральное положение Библиотеки на Невском проспекте и прилегающей к нему Александринской площади.

Преемником Оленина Николай I назначил Д.П.Бутурлина (1790–1849), сенатора, тайного советника, члена Государственного Совета. В прошлом — боевой офицер русской армии, участник многих ее походов и сражений, Бутурлин занимался также военной историей. Но в памяти потомков сохранились не столько известия об его исторических трудах или ратных подвигах, отмеченных орденами и почетным оружием, сколько печальная память о нем как о верховном цензоре России, ставшем символом наступившей в сороковые годы эпохи цензурного террора. „На сцену выступает Бутурлин с ненавистью к слову, мысли и свободе, про-

*Д.П.Бутурлин. Литография Ф.Шевалье
с оригинала А.А.Зеленского. 1850-е гг.*

поведью безграничного послушания, молчания, дисциплины”, — вспоминал это время известный литературный критик П.В.Анненков. Бутурлин был членом, затем — председателем негласного комитета, учрежденного Николаем I в 1848 году „для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений” (так называемый „Комитет 2 апреля”, или Бутурлинский комитет). Подвергая пристрастному просмотру то, что уже прошло сквозь цензурное сито, Бутурлин проявлял в изобретении предлогов для наказания такую рьяность и энергию, что, по словам цензора Никитенко, становилось „невозможным что бы то ни было писать и печатать”. Он был способен, кажется, подвергнуть цензуре

текст Евангелия. Помешала лишь известность этого произведения.

В то же время действия Бутурлина в качестве директора Публичной библиотеки (1843–1849) получили не столь однозначную оценку, хотя и здесь больше преобладали негативные суждения. Библиотекарей и публику прежде всего отглатывали свойственная ему „сухая важность обращения”, жесткая привычка к беспрекословному послушанию, склонность к отдаче приказов и выговоров. По словам В.В.Стасова, Библиотека при Бутурлине „превращалась в нечто вроде цейхгауза, где каждый мундир должен быть под номером”. Со Стасовым был вполне солидарен принятый на службу в помощь Крылову и получивший от него первые уроки библиографии И.П.Быстров. Не желая, по его словам, играть роль Молчалина, он уволился из Библиотеки. Не став опротестовывать свое явно несправедливое увольнение, ушел и Востоков. „Шершавый деспот”, как называл Бутурлина Стасов, действовал так, что от прежнего благодушия времен Оленина не осталось и следа.

Однако при всей чрезвычайности и неординарности принятых Бутурлиным мер, следует признать, что некоторые из них были продиктованы состоянием Библиотеки (огромные массивы неразобранных книг и рукописей, отсутствие на них описей и каталогов, неразбериха в распределении обязанностей и ответственности, несоблюдение служебного распорядка и часов присутствия в библиотеке). При Бутурлине появился первый каталог отдела манускриптов. Работавший в Библиотеке с 1844 года, А.Ф.Бычков составил признанный учеными образцовым инвентарь церковно-славянских и русских рукописей. Была про-

А.Х.Востоков. Литография В.Матвеева. 1855 г.

должна каталогизация книг в Русском отделении и отделении книг по истории. Заметно продвинулось вперед описание коллекции эстампов, ее устройство. В залах, где размещались фонды, появились ответственные хранители, был наведен относительный порядок в расположении книг. Бутурлин ввел в Библиотеке первые опытные нормы описания изданий, взяв за их основу урок, который он сам мог выполнить за день. Но от того, что он превратил всех библиотекарей, по выражению В.И.Собольщикова, в „писарей“, накладок и курьезов меньше не становилось. Нравы николаевской канцелярии приживались в Библиотеке не без внутреннего сопротивления.

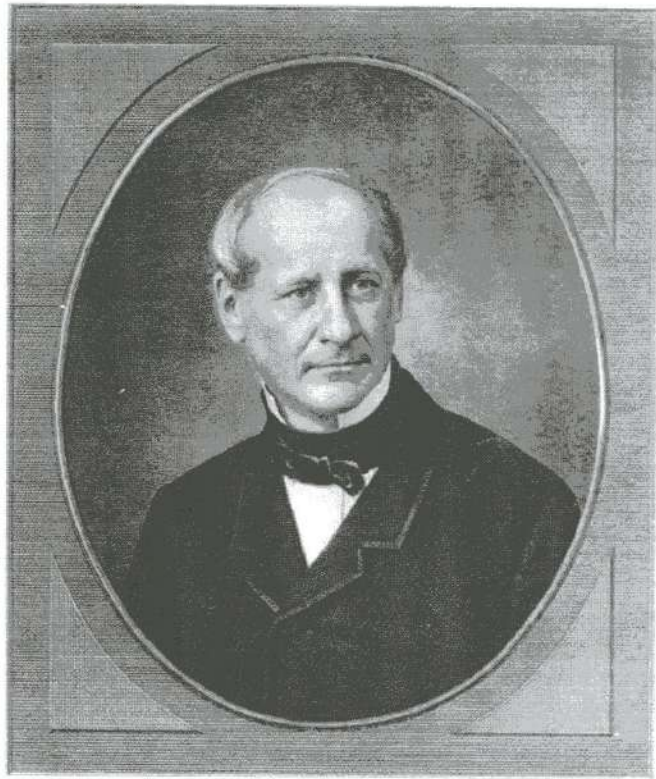
Особые неудобства испытывали при Бутурлине читатели — сократились часы работы читального зала, уменьшилась, а потом и вовсе прекратилась выписка новых иностранных газет и журналов (после событий 1848 года Бутурлин предпочел „закрывать ставнем“ европейское „окошко“). Известный экономист и общественный деятель В.В.Берви-Флеровский обвинил Бутурлина в умышленном запущении отдела социальных и юридических наук, в создании некомфортных условий работы в Библиотеке. Не придавало репутации Библиотеки положительного веса и совмещение в лице Бутурлина обязанностей гонителя печати и руководителя просветительного учреждения.

Смерть Д.П.Бутурлина в ночь с 8 (20) на 9 (21) октября 1849 года совпала с наступлением в России „весенней распутицы“. Вскоре страна вступила в полосу перемен, поделивших ее историю на две различные эпохи. Переломным оказался этот период и для Публичной библиотеки. В пятидесятые годы с их, говоря словами В.В.Стасова, „многообещающим движением умов“ в русском обществе, произошел не только количественный (увеличились фонды и число посетителей), но и явный качественный сдвиг: изменился характер читательских интересов. В Библиотеку пришла молодежь, преимущественно студенты и учащиеся средних учебных заведений (в 1855 году они составляли почти 34% всех читателей). Многие из них вышли из разночинной среды (ремесленники, мещане, купцы), были и представители набирающего силу „третьего сословия“. „Употребление библиотеки очень распространилось в последнее время“, — писал ее постоянный посетитель Н.А.Добролюбов. В судьбах многих русских литераторов, снимаю-

щих углы в петербургских трущобах, Библиотека заняла особое место. Они сидели здесь часами, пользуясь не только возможностью бесплатного получения книг, но и наслаждаясь теплом, светом. В это время в Библиотеке препятствий стало поменьше, удобств — побольше, и читающая публика это быстро оценила.

В.И.Собольчиков писал в „Воспоминаниях старого библиотекаря“: „Чтение есть важный симптом общественной жизни, и библиотека, как место для чтения, есть наилучший инструмент для наблюдения за движением умственной деятельности общества в известный период времени“. Библиотекари особенно почувствовали тогда, что их учреждение не просто музей древностей, уют для немногих читателей, а важнейшее средство, или, как писали „Отечественные записки“, один из „сильнейших рычагов“ народного просвещения. Функция Библиотеки как хранителя редкостей и исторических достопримечательностей стала явно недостаточной. Публичная библиотека, которая, по определению журнала „Современник“, служила „подпорой русской науке“, не могла давать читателям „вчерашние новости“. Интерес читателей к знакомству с памятниками старины хотя и сохранился, но в значительной мере стал отходить на второй план. Не предметы отвлеченные, а науки положительные — математика, техника, естественные науки, политическая экономия, право, военное дело — почти исключительно завладели умами нового поколения.

„Читатель должен знать, что есть в библиотеке из нужного ему, и иметь возможность получить все требуемое“ — так формулировал цель перестройки, проходящей в Публичной библиотеке, ее дирек-

М.А.Корф. Гравюра И.П.Пожалостина. 1877 г.

тор М.А.Корф, назначенный на эту должность в октябре 1849 года, после кончины Бутурлина. Назвав Публичную библиотеку „памятником народной славы“, Корф в то же время подчеркивал, что Библиотека должна служить „живым источником в деле общественной образованности“.

А.Ф.Бычков, один из первых биографов М.А.Корфа, заметил, что отношение к Модесту Андреевичу „было страстное“. Современники и последующие поколения высказывали о Корфе суждения даже не столько полярные, сколько обязательно окрашенные в чувствительные тона, от восторженных и сентиментальных до гневных и обличительных. И это при том, что уже воспитатели Царскосельского лицея (Корф был воспитанником первого выпуска) отмечали у него скрытность характера и умение носить маску благонаправленного, вежливого, „опрятного в обращении“ человека. Таким Корф обычно и оставался, если не задевались существенные для него стороны жизни.

По окончании лицея он быстро продвигался по службе. В 23 года — начальник отделения в департаменте Министерства финансов, в 31 год — управляющий делами Комитета министров, в 34 — государственный секретарь. Столь же стремителен был взлет по иерархической лестнице: в 27 лет он уже действительный статский советник, в 36 — тайный советник. В 1843 году Корф был назначен членом Государственного Совета. Преподавал правоведение сыновьям Николая I. Один из вдохновителей идеи создания „сверхцензуры“, тайного комитета для наблюдения за печатью, влиятельный и деятельный член „Комитета 2 апреля“. Он же — инициатор его закрытия в преддверии грядущих перемен. Участник подготовки „Полного собрания законов Российской Империи“ и „Свода законов“. Официальный историограф Николая I, автор книги о драматическом эпизоде восшествия на престол Николая Павловича — событиях 14 декабря 1825 года, вызвавшей бурю протеста со стороны оставшихся в живых декабристов и А.И.Горькова.

Поставленный во главе Русского отделения, А.Ф.Бычков и его помощник, известный библиограф В.И.Межов, служивший в Публичной библиотеке в 1851-1866 годах, ведут оживленную переписку с цензурным ведомством и другими учреждениями, добиваясь исполнения закона об обязательном предоставлении Библиотеке экземпляра каждого выходящего в свет издания. Усилия эти принесли свои плоды: к 1864 году в Публичной библиотеке было собрано примерно 90% всего изданного на русском языке, и Библиотека бесспорно заняла первое место по полноте фондов произведений отечественной печати.

Изменились требования читателей и в отношении характера пополнения иностранных фондов, быстроты их обновления. Князь В.Ф.Одоевский, писатель и музыкальный критик, человек энциклопедических познаний и ин-

тересов, бывший в эти годы помощником директора библиотеки, сам ведал определением ведущих направлений в отборе иностранных книг. Он — в согласии с пожеланиями читателей — отдавал предпочтение физике, химии, математике, геологии, медицине, наукам камеральным (административное право, финансы, экономика), технике (паровозостроение, железные дороги).

Благодарное русское общество, в свою очередь, заботилось о пополнении национального книгохранилища. В пятидесятые годы в Публичную библиотеку как в „общенародный кошель“ стали поступать книжные и денежные приношения из разных концов России. Среди присылавших сюда книги были составитель „Толкового словаря живого великорусского языка“ В.И.Даль, естествоиспытатель Э.И.Эйхвальд, хирург Н.И.Пирогов, историк Н.И.Костомаров, астроном В.Я.Струве и другие. Достаточно сказать, что за десятилетие Публичная библиотека получила в дар книг и рукописей примерно в тридцать раз больше, чем за первую половину XIX столетия. По просьбе Библиотеки был принят закон о бесплатной пересылке в ее адрес почтовых отправок. Имена дарителей занесены в особую книгу, о них сообщалось в газетах, полный список публиковался в ежегодных отчетах. В социальном и профессиональном отношении состав дарителей был очень пестрым и отражал заинтересованность различных сословий в процветании Публичной библиотеки. Дары поступали также извне, „из всех концов образованного мира“.

Интерес русского общества к деятельности национального книгохранилища сказывался и во внимании, которое оказывала читающая публика ежегодным

отчетам Библиотеки. Их издание возобновилось в 1851 году, и многие русские журналы и газеты — „Отечественные записки”, „Современник”, „Библиотека для чтения”, „Санкт-Петербургские ведомости”, „Русский инвалид”, „Русское слово”, „Московитянин” и другие — считали необходимым регулярно печатать об этих отчетах отзывы. Ежегодно появлялось не менее пяти-шести статей и заметок о Библиотеке, ее устройстве, организации обслуживания читателей. Авторами многих материалов были „властители дум” разночинной интеллигенции и учащейся молодежи — Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев.

Поставленная еще при основании Публичной библиотеки задача — собрать в ее фондах все, что было напечатано в России и за ее пределами на русском языке и языках народов, населяющих Российскую Империю, — имела не только историко-культурную значимость (сохранение памяти народа), но и непосредственно служила удовлетворению текущих запросов читателей. В 1850-е годы полнота и регулярность получения всех вновь выходящих изданий стали насущной потребностью широкой читательской аудитории.

Литераторы, ученые, общественные деятели интересовались обновлением фондов Библиотеки, ее драгоценного „умственного капитала”, по выражению Чернышевского. Волновала проблема ее доступности, система удобств, которыми могли пользоваться читатели. Одобрение вызывали такие новшества, как выделение специальных дежурных в читальном зале, организация „справочного стола”, появление первых печатных каталогов и путеводителей, налаживание информации о новых поступлениях книг и ру-

кописей, выделение зала для изучения редких изданий и произведений художественной литературы, проведение выставок, экскурсий и специальных обзорных Библиотеки. Увеличились часы работы читального зала (с 10 часов утра до 9 часов вечера, что было необычным для других европейских публичных библиотек). До середины XIX века в Публичной библиотеке не было специального помещения, предназначенного для занятий посетителей. Внутри книгохранилища было оборудовано всего около 60 мест. Наплыв людей, рост фондов привели к тому, что в Библиотеке, как писал Корф, „не стало места ни для книг, ни для читателей”. Д.И.Писарев вспоминал, что приходилось читать стоя, оставляя серьезную работу на дом. Острота ситуации потребовала энергичных действий, настойчивости в получении необходимых средств. Проектированием и строительством специального читального зала занялся В.И.Собольщиков, при содействии архитектора И.И.Горностаева.

Начало перестройки в Императорской публичной библиотеке в известной мере опередило приход реформ в Россию. В этом проявилась дальновидность Корфа, его гибкость, чутье нового. Библиотека должна быть полезной не только в нравственном, но и в экономическом отношении — указывал он, подразумевая под этим создание условий для распространения технических и естественно-научных знаний среди третьего сословия. В 1850-е годы Библиотека приобрела значение „не только для ученых специалистов, но и для всех вообще классов образованного и даже просто читающего общества”, — писали „Отечественные записки” в 1857 году.

Один из читальных залов Публичной библиотеки

По предложению Корфа, Публичная библиотека была переведена в 1850 году в ведомство Императорского двора. Штатные ассигнования на ее содержание выросли почти вдвое. Материальное положение укрепилось. Помимо того, новое подчинение Библиотеки больше соответствовало, по мнению Корфа, ее назначению — быть „полным литературно-научным монументом Российской Империи”. Оно указывало на особое положение Библиотеки как первого национального книгохранилища России. Принятый в феврале 1850 года новый документ об управлении Публичной библиотекой дополнял и развивал уставные положения

1810 и 1812 годов. Он определял обязанности директора Библиотеки и его помощников, давал директору право распоряжаться отпущенными ей денежными суммами, вводил в жизнь институт почетных членов и почетных корреспондентов, учрежденный в развитие идей Оленина. Корфу удалось несколько увеличить штат Библиотеки, получить право нанимать вольнослужащих (без зачисления их на государственную службу и с жалованием на добровольных условиях).

Предприимчивый директор сумел не только избавиться от постоянной головной боли, которую вызывали у Оленина и Бутурлина обширные массивы дубле-

тов, но и извлечь при этом большую выгоду для Библиотеки. (Возможность использовать дублиеты на обмен или продажу была предусмотрена еще „Положением” 1810 года. С этой целью Оленин приказал хранить дублиеты в особом помещении, не смешивая с основным экземпляром.) Корф организовал распродажу дублиетов с таким размахом, о котором Оленин не мог и мечтать. Печатались каталоги, рассылаемые в разные края России и за рубеж, устраивались публичные аукционы с чаепитием за самоваром, предварительные просмотры выставляемых на продажу изданий, куда был открыт доступ „всем пристойно одетым лицам обоюго пола”, заочные конкурсы покупателей. Каталоги выходили двух видов: полные, включавшие в себя запрещенные издания (они распространялись под ответственность Корфа), и для прочих лиц, где нежелательные издания замазывались „непрозрачными типографскими чернилами”. Административный талант Корфа, его умение заставить всех работать во имя поставленной им цели особенно ярко проявились в создании в Публичной библиотеке специального отделения иностранных книг о России („Россика”).

Вопреки своему достаточно пренебрежительному отношению к Оленину, Корф во многом шел по пути, уже намеченному предшественниками, и по сути дела решал уже давно поставленную задачу — собирать все напечатанное о России на всех языках. Он сам давно занимался библиографическими разысканиями по истории России, накопив ко времени прихода в Библиотеку обширную библиографию (когда Пушкин в поиске материалов по эпохе Петра I прибегнул в 1836 году к его помощи, то был поражен богатством „библиографических познаний”

своего „однокашника”). Создание отделения „Россика” заняло в планах Корфа особое место. Оно стало средоточием его забот и дел и вызвало к жизни целую череду специальных мероприятий: составление предварительных материалов к проекту полного каталога сочинений о России, рассылку их для консультаций русским и зарубежным ученым, университетам, научным обществам, собственные поездки Корфа и других сотрудников за границу, связи с отечественными и зарубежными библиофилами и книготорговцами, мобилизацию всех библиотечарей на поиск книг. Покупка, обмен, дар — все пошло в ход для пополнения коллекции. Ежегодно в новый отдел поступало от тысячи до двух тысяч названий. Среди приобретений было много редких и уникальных изданий, относящихся к истории внешних сношений России. Особую часть коллекции составляли материалы о Крымской войне.

Возрождение Публичной библиотеки Корф рассматривал как свой главный жизненный подвиг. „Из хаоса библиотеки, называвшейся публичною, но в сущности представлявшей только огромную кладовую без света и без жизни,— писал он сам, — Корф успел создать такой дом науки, который если еще не первый в мире по своему богатству, то, конечно, первый по своему устройству, и особенно по той либеральности и приветливости, с которой принимаются и удовлетворяются многочисленные его посетители от первого вельможи до крепостного человека, от знатнейшей дамы до повивальной бабки”. Корф оказался прав. Если его имя и сохранилось в истории России, то, по справедливому замечанию Д.В.Философова, в основном из-за его деятельности в Публичной библиотеке.

Закладка двухсветного, рассчитанного на 500 читательских мест зала Библиотеки (проект архитектора Е.С.Воротилова). 1896 г. Фотограф К.Булла.

И все же, когда мы говорим об этих благодетельных переменах, мы непременно должны помнить, что они явились плодом коллективных усилий. Как справедливо было однажды замечено, „Корф обладал в высшей степени умением пользоваться и мыслями, и силами своих помощников”. А.Ф.Бычков ревностно трудился над пополнением Русского отделения, настойчиво внушая Корфу мысль о первоочередности этой задачи. В.Ф.Одоевский, приняв на себя обязанности помощника директора, занимался вопросами организации фондов и пополнением их новыми иностранными книгами. Отдавший много сил организации работ по созданию „Россики”, В.И.Собольщиков написал и издал в 1859 году первое русское руководство по библиотечному делу „Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов”, которое пользовалось европейской извест-

ностью. В духе новых веяний он решительно высказывался за демократическое переустройство Публичной библиотеки, которая должна была стать настоящим „...приютом для всех ищущих сведения, а не таинственным святилищем науки, как бывало прежде”. Историографом Публичной библиотеки, составителем ее отчетов в это время был В.В.Стасов. Ему же было поручено устройство выставок „по художественной части” (произведений русской гравировальной школы, к примеру, или гравированных портретов Петра Великого). Стасов принимал активное участие и в составлении систематического каталога „Россики”, и в разборе эстампов в отделении искусств. С 1850 года в Публичной библиотеке служил К.А.Коссович, один из первых русских индологов, автор ряда ученых работ по востоковедению. Помимо заведования Восточным отделением, на него были возло-

жены обязанности редактора ученых работ Библиотеки, а также ознакомление посетителей с устройством и достопримечательностями книгохранилища.

Однако при всей значительности перемен, наступивших в 1850-е годы, это десятилетие, по выражению Д.В.Филоsofova, составило лишь „средние века” в истории Публичной библиотеки. Новое время настало во второй половине XIX — начале XX столетия. И различие между этими периодами было таким же, как различие между светом газовых рожков, появившихся в Публичной библиотеке в 1851 году, и электрическим освещением, установленным в ее стенах сорок лет спустя (1891).

Воронцовский зал Библиотеки. 1995 г.

*В.В.Стасов у выставки портретов Петра Великого.
Фотограф И.В.Болдырев. 1878 г.*

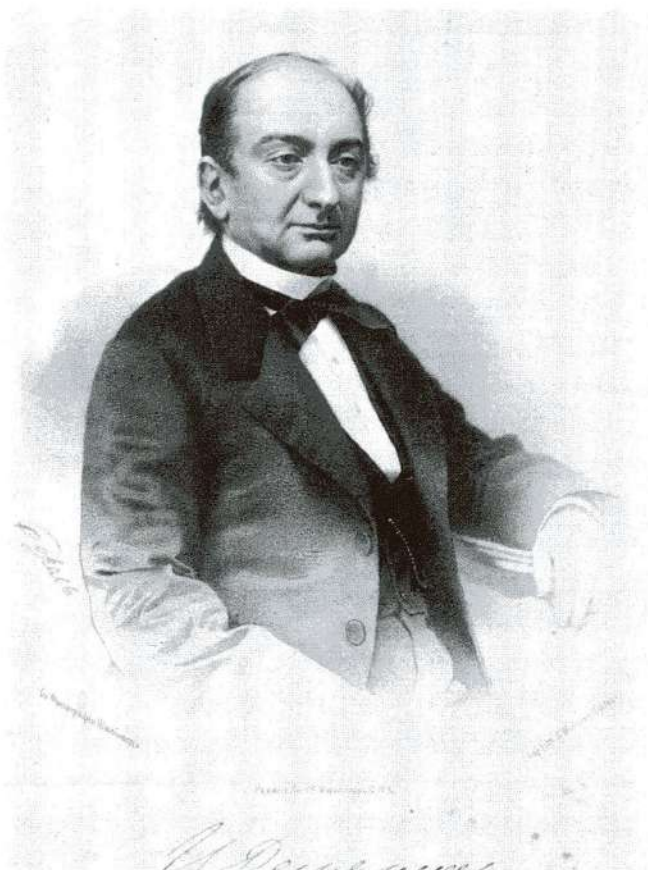
В пореформенной России, в России, идущей к новой цивилизации, существование Публичной библиотеки, как было сказано в одном из русских журналов, стало нужным уже не только небольшой группе специалистов, но и „громadному большинству обыкновенных смертных”. То, что по существу только наметилось в 1850-е годы — появление читателей из „небогатых слоев петербургского населения”, изменение спроса на книги, рост фондов, а также повышенный интерес к деятельности национальной библиотеки со стороны самых разных кругов, который А.Ф.Бычков определил как „зоркий контроль общества”, — явно проявилось на рубеже веков. К концу 1890-х годов количество читателей, по сравнению с 1850-ми годами, выросло почти в семь раз, число посещений — в девять. В 1860 году было выдано 3000 билетов на право посещения Библиотеки, в 1899-м — 16 500, в 1913-м — 27 500. Читатели посетили Библиотеку в 1860 году — 18 500 раз, в 1899 — 137 000, в 1913-м — 194 000.

Немалую роль в укреплении общественных и культурных связей Библиотеки сыграл созданный при ней в развитие идеи Оленина государственный институт почетных членов и почетных корреспондентов (1850). Присвоение почетных званий государственным и общественным деятелям, ученым, библиофилам, книготорговцам, промышленникам, купцам означало иногда признание достигнутых ими успехов на жизненном поприще, а чаще всего выражало благодарность за оказанные услуги Публичной библиотеке, а в ее лице — русской культуре и науке. Почетными членами могли стать как подданные России, так и других государств (при условии подтверждений их „политической благонадежности“). Институт почетных членов и почетных корреспондентов просуществовал до 1917 года включительно. Постепенно стиралась четко проводимая в 1850-е годы должностная и сословная грань между почетными членами и почетными корреспондентами. В дальнейшем при выборе кандидатов обращали внимание не столько на занимаемые ими посты в государстве, сколько на их реальные связи с Публичной библиотекой, научные и литературные заслуги. Почетными членами Публичной библиотеки в разные годы были министры А.М.Горчаков, К.В.Нессельроде, А.Ф.Орлов, С.С.Уваров, А.С.Норов, Д.А.Блудов, П.А.Валуев, Л.А.Кассо, ученые (историки, этнографы, археологи, филологи, фольклористы) В.И.Ламанский, А.Д.Чертков, С.Д.Полторацкий, М.П.Погодин, Е.В.Барсов, А.Е.Викторов, В.Г.Иконников, И.П.Сахаров, И.Е.Забелин, А.А.Кулик, И.В.Ягич, А.А.Шахматов, востоковеды Б.А.Дорн, В.В.Григорьев, К.Тишендорф, Г.Флюгель, меценаты-промышленники И.Ф.Базилевский, А.Н.Демидов, купец П.В.Голубков, библиофилы и библиографы И.Е.Бецкий, Д.А.Ровинский, Г.Н.Геннади. Почетные корреспонденты — купцы Т.Ф.Большаков, П.И.Гундобин, И.П.Каратаев, И.Н.Латкин, книготорговцы П.П.Должиков, И.Г.Кольчугин, немцы Г.В.Ган, Л.Фосс. Особую группу почетных членов и почетных корреспондентов составляли библиотекари и архивисты из Германии, Франции, Испании, Бельгии, Швеции, Чехии, Польши, США.

Институт почетных членов и почетных корреспондентов был использован для укрепления славянских связей и создания в Библиотеке коллекции славянских книг и рукописей. Другими и активными помощниками Публичной библиотеки в приобретении памятников славянской культуры были ее почетные члены, чешские ученые, участники освободительного движения, В.Ганка, Ф.Палацкий, А.Вртятко, П.Шафарик, К.Эрбен.

Принцип общедоступности Публичной библиотеки, неоднократно декларируемый в ее документах, на практике — в зависимости от исторических обстоятельств — наполнялся разным содержанием. Но в пореформенной России были убраны последние сословные преграды, еще существовавшие во времена Корфа. „В классе посетителей читательной залы, — писал В.И.Собольчиков, — как в фокусе, отражаются видоизменения, совершающиеся в петербургском населении. В настоящее время в ней бывает множество личностей из таких классов общества, которые десять лет тому назад как будто не знали о существовании публичной библиотеки“.

Основной социальный состав читателей Публичной библиотеки все более стали определять выходцы из купцов, мещан, крестьян. Заметно выросло число посетительниц (к концу 1890-х годов 18% от общего числа, в 1900-е — 28–30%). Среди читателей преобладали студенты (в начале XX века они составляли 33%). К 1910 году три четверти учащихся средних и высших школ Петербурга посещали Публичную библиотеку. Но если для последних она служила вторым университетом, то для русских ученых она была настоящим лабораторным центром. Как и в первые десятилетия жизни Библиотеки, в конце XIX — начале XX века авто-

*И.Д.Делянов. Литография П.Ф.Бореля
с фотографии Штейнберга. 1860-е гг.*

Приход Делянова Ивана Давыдовича (1818-1897) в Публичную библиотеку в 1861 году совпал с общим процессом демократизации в пореформенной России, что не могло не сказаться и на библиотечной жизни. Библиотека перешла в ведение Министерства Народного просвещения (1862). Были учреждены Совет библиотеки, новые штаты (1870 и 1874 гг.), появились Правила для занятий в читальном зале, инструкции для библиотекарей, правила ведения каталогов. Вступил в строй читальный зал, построенный В.И.Собольщиковым. В 1882 году Делянов после назначения министром народного просвещения оставил пост директора Библиотеки.

ры большинства научных трудов пользовались ее фондами. Особенно много теперь было читателей-специалистов (инженеров, техников, медиков, топографов, агрономов, преподавателей). Чиновничьи мундиры постепенно отступили на второй план.

Парадность и праздничность аукционов, выставок и обзоров сменились будничной рабочей обстановкой. Публичная библиотека была возвращена Министерству народного просвещения. Новым в ее жизни, начиная с 1880-х годов оказался прием на службу женщин в качестве „вольнотруidящихся“. Первыми сотрудницами Библиотеки были Л.А.Закорина и Ж.Старк. (К концу 1917 года в Публичной библиотеке работало свыше 20 женщин. Многие из них — Е.А.Лаппа-Старженецкая, В.Н.Струлева, Л.И.Олавская — были выпускницами Высших Бестужевских курсов.) В изменившихся условиях русской жизни читатель становился главной фигурой. Поэтому библиотекарь, как указывалось в подготовленной А.Ф.Бычковым записке „О значении звания библиотекаря“, должен служить ему „полезными советами и указаниями“, не быть пассивным хранителем фонда и регистратором. Ему надлежало быть в курсе современной науки, ориентироваться в библиографии, представлять состояние книжного рынка. Став в 1882 году директором Публичной библиотеки (после И.Д.Делянова), Бычков приложил много сил для решения наиболее острых проблем по содержанию книгохранилища, связанных с увеличением бюджета, штата Библиотеки, сооружением нового корпуса. Его дело продолжили новые директора — Н.К.Шильдер (1899–1902) и Д.Ф.Кобеко (1902–1918).

А. Ф. Бычков († 2-го апреля 1899 г.). По фот. грав. Шюблер.

А.Ф.Бычков. Гравюра на дереве Ю.Шюблера с фотографии. 1890 г.

пять раз, в 1890-е — в восемь, в 1900-е годы — в 10–12 раз. К 1913 году фонд Публичной библиотеки превысил трехмиллионную отметку, и она вышла на одно из первых мест в мире.

Почти треть всех собранных книг составляли книги на русском языке. Развитие книгоиздания в России, настоящий „книжный поток“ стимулировали поступление книг и других изданий „по закону“, в счет обязательного экземпляра. Библиотека по-прежнему контролировала полноту получения репертуара отечественных изданий. Продолжая дело, начатое И.А.Крыловым, В.С.Сопиковым, И.П.Быстровым, А.Ф.Бычковым, В.И.Межовым, хранители Русского отделения, прежде всего, В.Н.Ламбин и В.И.Саитов отстаивали интересы Библиотеки в борьбе с нерадивыми издателями, цензорами, чиновниками. Их стараниями Публичная библиотека стала к концу XIX века обладать самым полным в стране собранием русской книги.

Н.К.Шильдер. Фотография около 1900 г. Фотограф неизвестен

Публичная библиотека привлекала посетителей полнотой фондов, регулярностью и динамичностью их обновления. В первой половине XIX века ежегодный прирост изданий не превышал пять тысяч томов. В 1850-е годы он увеличился в

Генерал-лейтенант, начальник Николаевской инженерной академии и училища (1886-1899), в прошлом участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Николай Карлович Шильдер (1842-1902) руководил Публичной библиотекой только три последние года своей жизни. Более известен как историк, автор фундаментальных трудов об императорах Павле, Александре I, Николае I. Ему принадлежат также статьи, исследования, публикации документов по военной и дипломатической истории России первой половины XIX в. Член-корреспондент Академии Наук (1900). За короткое время сделал многое и для библиотеки. По отзыву известного историка П.Щеголева, при нем сюда „проникла свежая струя и исчезла рутинка“. При Шильдере была завершена постройка и отделка Воротиловского корпуса.

Публичная библиотека располагала также самым богатым в России собранием рукописных книг, отдельных автографов, грамот и актов. Наличие к концу XIX — началу XX века в отделе рукописей автографов русских писателей А.С.Пушкина, И.А.Гончарова, А.С.Грибоедова, А.И.Герцена, М.Ю.Лермонтова, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева, Н.А.Некрасова, М.Е.Салтыкова-Щедрина, музыкальных сочинений М.И.Глинки, М.А.Балакирева, А.П.Бородина, П.И.Чайковского, М.А.Мусоргского, Н.А.Римского-Корсакова, А.Н.Скрябина и других русских композиторов говорило о том, что Библиотека прекрасно справлялась со своей ролью хранительницы культурного наследия России.

Положительные перемены происходили и в пополнении иностранных фондов. При сохранении ведущей роли гуманитарных наук (свыше 70% ассигнований тратилось на их приобретение) возросло значение наук естественных и прикладных. Ограниченность средств побуждала Библиотеку искать иные источники приобретения книг. И среди них, как и в прежние времена, выделялся дар. В 1860—1890-е годы Библиотека получила от своих добровольных помощников около 300 тысяч томов, в первые десятилетия XX века — около 200 тысяч. Нет, пожалуй, ни одного крупного деятеля русской науки, который не пришел бы на помощь Библиотеке. Это Д.И.Менделеев, Н.Н.Миклухо-Маклай, С.Ф.Платонов, А.А.Шахматов, В.А.Обручев, Н.Н.Зинин, И.Ю.Крачковский, И.П.Павлов, С.А.Венгеров и другие. Они не только дарили Библиотеке книги, но охотно исполняли роль консультантов при их отборе за рубежом, создании каталогов, описании рукописей.

Д.Ф.Кобеко на своем юбилее. Фотография К.Буллы. Начало 1917 г.

Выпускник Царскосельского лицея, Кобеко Дмитрий Фомич (1837-1918) служил чиновником министерства финансов. Попутно занимался изучением истории России, писал книги („Цесаревич Павел Петрович”, „Императорский Царскосельский лицей” и др.). С 1901 года член Государственного Совета. На посту директора Публичной библиотеки 16 лет (1902-1918). За это время установил связи библиотеки с Государственной Думой, добился для нее увеличения бюджета. Им же был разработан проект нового устава Публичной библиотеки, подтвердивший ее статус как национального книгохранилища.

Библиотека поддерживала оживленные научные связи практически со всеми русскими университетами, институтами, учеными обществами, архивными комиссиями, музеями. Научные центры и крупнейшие книгохранилища мира регулярно присылали издания в Публичную библиотеку. Укреплению ее престижа способствовала и традиция, идущая от самого основания. Сотрудники Публичной библиотеки в большинстве своем были „люди науки”. Так было не только во времена Оленина и Корфа, но и в последующие десятилетия.

В Публичной библиотеке работали историк и экономист П.А.Соколовский, труды которого по истории общины изучаются и сегодня, крупнейший исследователь русского XVIII века Н.Д.Чечулин, историк философии Э.Л.Радлов, ученик и друг В.С.Соловьева; естественник, философ, литературный критик Н.Н.Страхов, энтомолог Ф.П.Кеппен, востоковеды А.Я.Гаркави и В.Д.Смирнов, этнограф С.О.Балтромайтис, археограф, историк литературы, этнограф Л.Н.Майков, историк-востоковед, историк литературы и библиограф В.И.Саитов, знаток древней русской письменности Х.М.Лопарев, выдающийся русский палеограф Н.П.Лихачев, византолог А.И.Пападопуло-Керамевс, библиотековед В.Э.Банк, археографы, историки литературы Д.И.Абрамович и И.А.Бычков. Многие из них были избраны в Академию наук России, являлись действительными и почетными членами русских и зарубежных ученых обществ и учреждений.

На протяжении столетия формировались в Публичной библиотеке разные научные школы, связанные с изучением ее книжных и рукописных сокровищ (греческая и западноевропейская палеография, востоковедение, вольтероведение). Э.Г.Муральт, А.И.Пападопуло-Керамевс, Б.А.Дорн, А.Я.Гаркави, в советское время — В.Н.Бенешевич, О.А.Добиаш-Рождественская, Н.В.Пигулевская, А.Д.Люблинская, В.С.Люблинский, В.В.Бахтин, С.А.Ушаков, Л.С.Гурдон, Т.П.Воронова, Т.В.Луизова, Е.В.Бернадская, Л.Л.Альбина и многие другие добились европейской известности.

Библиотека во второй половине XIX — начале XX века более отчетливо, чем это было прежде, служила барометром общественных настроений. Как сказано в

одном из рапортов заведующего читальным залом В.В.Юза, „почти все лица, судившиеся в Санкт-Петербурге за политические преступления”, посещали Публичную библиотеку. Это наблюдение относилось к началу 1880-х годов, но и в эпоху массового подъема самосознания оно осталось в силе. Многие библиотекари последнего дореволюционного „призыва”, в отличие от своих предшественников, явно проявляли свои общественные симпатии и антипатии, втягивались в религиозно-философские и политические споры, принимали участие (не всегда легальное) в различных политизированных образованиях. Это относится прежде всего к А.И.Браудо, заведующему Россикой, обладавшему обширными связями в оппозиционных кругах; Д.В.Философову, одному из руководителей журнала „Мир искусства”, другу З.Н.Гиппиус и Д.М.Мережковского; А.В.Карташову, заведующему отделением богословия, одному из деятелей религиозно-философского возрождения, будущему министру Временного правительства; участникам социал-демократического движения, а в начале XX века — создателям нового философского учения Г.П.Федотову и А.А.Мейеру. События же общерусского масштаба, как Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, война 1914 года или крах Империи, естественно задевали всех: и читателей, и сотрудников.

Столетие со дня открытия Публичной библиотеки было отмечено торжественным актом 2 (14) января 1914 года. Как и во времена Оленина, официальный характер торжеств, почти исключивший участие в них широкой общественности: ученых, писателей, общественных деятелей, рядовых читателей Библиотеки, — вызвал критику „слева”. И хотя, как заме-

тил Д.В.Философов, „партикулярное платье потеснило мундиры”, на празднике преобладала официальная Россия, и этот дух определял его атмосферу.

Библиотеке была вручена высочайшая грамота, пожалованная Николаем II. Со всех концов страны — из библиотек, книгохранилищ, музеев, архивов, университетов, ученых обществ — поступили адреса, общим количеством около трехсот. Юбиляра приветствовали и друзья из-за рубежа. Газеты и журналы разных направлений (в их числе были и провинциальные издания) посвятили Библиотеке статьи, публикации, фотоматериалы. „Зоркий контроль общества”, о котором писал А.Ф.Бычков применительно к 1850-м годам XIX столетия, продолжал существовать и в последующие десятилетия. Всего — с 1795 по 1917 г. — Публичной библиотеке, по далеко не полным данным, было посвящено около 3000 публикаций. Говоря словами В.В.Стасова, „тут яркое свидетельство и о положении, какое занимает Библиотека в культурном движении нашего отечества, и о составе ее, и о тех личностях, которые заведовали и заведуют сокровищами”.

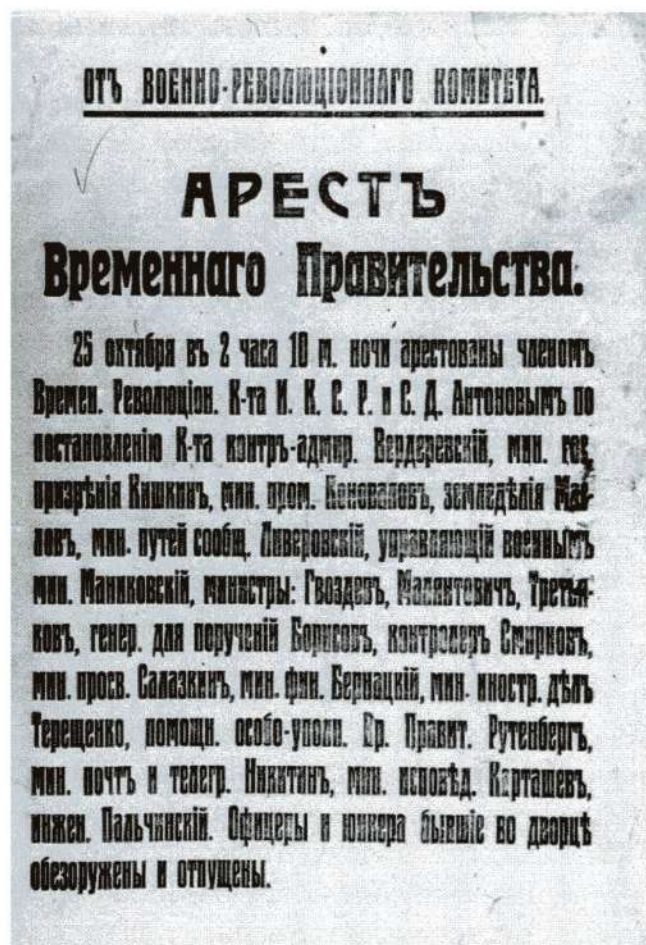
Уровень просвещения в России, состояние библиотечного дела побуждали Публичную библиотеку одновременно быть национальным книгохранилищем и доступной бесплатной библиотекой, народным университетом и ученой лабораторией. „Великая библиотека” России внесла значительный вклад в развитие просвещения и науки. Если в отношении оценки сделанного Публичной библиотекой в прошлом существовало заметное единодушие, то ее дальнейшее развитие вызывало в России споры, отражавшие позиции различных политических сил. В.И.Ленин, узнав из русских газет о под-

готовке юбилея Публичной библиотеки, в статье „Что можно сделать для народного образования”, сформулировал позиции социал-демократов. Он выдвинул на первый план проблему доступности Публичной библиотеки. Ленин выражал возмущение стремлением попечительного начальства охранять „наши богатые публичные библиотеки от улицы, от черни”. Иную позицию занял М.О.Меньшиков, влиятельнейший русский журналист, ведущий публицист газеты „Новое время”. В статье „Великая библиотека” он сказал много добрых, справедливых слов о Публичной библиотеке, в которой провело „молодые и зрелые годы большинство русского образованного общества”. Он видел в демократизации Публичной библиотеки, в возрастании ее роли в самообразовании русской молодежи угрозу будущему России („Очаги просвещения, как школы и библиотеки, не должны быть брошены на разгром черни”, — заявил он). Меньшиков предложил Библиотеке взять на себя функции руководителя чтения, придав им охранительный характер.

Мнения либеральных кругов, близких к кадетам, выразил Д.В.Философов. Его статьи, посвященные истории библиотеки, представляют большую ценность. Они не только блестящи в литературном отношении, но и содержат меткие характеристики ее деятелей, верное описание особенностей того или иного исторического периода. Философов высказался в пользу дальнейшей „разумной демократизации” деятельности Публичной библиотеки. „Библиотека, — писал он, — существует для читателя, и пожелаем, чтобы, вступая во второе столетие своей жизни, Библиотека вошла в более тесное общение с читателем, ... чтобы Библиотека из казенной стала воистину национальной”.

Февральская революция во многих отношениях изменила привычный ход жизни национального книгохранилища, которое сразу же перестало быть Императорским и стало именоваться Российской Публичной библиотекой. К середине 1917 года уже был рассмотрен в различных министерствах и Государственной думе проект нового библиотечного устава, позволяющий привести деятельность учреждения в соответствие с общими принципами, провозглашенными новым строем. Согласно этому проекту, разработанному при участии академика В.И.Вернадского, Библиотека должна была состоять в управлении директора, назначаемого указом Временного правительства, и совета Библиотеки, функции и состав которого заметно расширились; и хотя он по-прежнему оставался совещательным органом при директоре, ему по ряду вопросов предоставлялся решающий голос. На штатные должности стали приниматься лица обоего пола — до этого времени женщины зачислялись в Библиотеку только на правах вольнонаемных. Довольно быстро эти предложения стали внедряться на практике, хотя юридически устав не вошел в силу в намеченный для него срок — 1 ноября 1917 года. Помешала Октябрьская революция.

Коллекция листовок первых лет советской власти Библиотеки — одна из крупнейших в стране. Созданные в разгар революционных событий и ожесточенной борьбы за власть, эти поразительные документы донесли до нас живой рассказ о крушении монархии и октябрьском перевороте, тяжелых буднях гражданской войны и интервенции, трудностях и ошибках на пути создания нового общества. Без преувеличения можно сказать, что любое сколько-нибудь значительное событие в жизни страны находило в те годы свое выражение в такой эмоцио-

Листовка ВРК от 26 октября 1917 года

нальной, императивно резкой форме прямого обращения к согражданам. Исходившие как от высших органов государственной власти (Съездов Советов, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совнаркома и др.), так и от местных советов и революционных комитетов, эти документы сообщают интереснейшую, порой неизвестную по другим источникам информацию о своем времени. К числу редких изданий (по „идейным” соображениям они подверглись массовому уничтожению, и их остались считанные единицы) относятся листовки, содержащие критику внутренней политики большевиков. Написанные от имени социалистических и демократических партий и различных общественных организаций, они касаются узловых моментов отечественной истории — Октябрьской революции, разгона большевиками Учредительного собрания, Кронштадтского мятежа.